

## ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ГИБЕЛИ А. С. ГРИБОЕДОВА В СОВРЕМЕННОЙ ИРАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Б. П. БАЛАЯН

В последние годы в иранской буржуазной историографии появилось немало страниц об убийстве выдающегося русского писателя и дипломата А. С. Грибоедова.

В работах иранских историков по данному вопросу имеется ряд тенденций. Наиболее трезвая и объективная из них увязывает историю убийства А. С. Грибоедова с англо-русскими противоречиями на Востоке и экспансионистской политикой Англии в Иране после заключения Туркманчайского договора. Другая пытается отрицать политический характер разгрома русской миссии. Третья, наиболее распространенная тенденция, основанная на фальсификации и извращениях исторических фактов, пытается обвинить в гибели А. С. Грибоедова... его самого.

Видный представитель первого из перечисленных направлений современной иранской буржуазной историографии, профессор тегеранского университета Махмуд Махмуд в XVI главе первого тома «Истории англо-иранских дипломатических отношений в XIX веке», озаглавленной «Дело об убийстве полномочного министра России Грибоедова», причины разгрома русской миссии в Тегеране связывает с деятельностью английской дипломатии.

В самом начале этой главы подчеркивается, что «Грибоедов был убит руками невежд, через год после подписания Туркманчайского договора»<sup>1</sup>. М. Махмуд поясняет, что погромщики были «жертвами провокации вокруг вопроса о пленных»<sup>2</sup> и не без сожаления признает, что «Грибоедов тоже пал жертвой тайной интриги тех, кто пользуясь слабостью Ирана, сеяли смуту и ввергли Иран в полосу осложнений»<sup>3</sup>.

Анализируя причины, вызвавшие умерщвление сотрудников русской миссии, М. Махмуд указывает, что «конфликт произошел не из-за Грибоедова». «Все несчастия Ирана,— замечает он,— были связаны с англо-русской борьбой. Преобладание России в Иране после заключения Туркманчайского договора значительно обострило эту борьбу, так как англичане не отказывались от Ирана, рассматривая его территорию, как арену политической битвы с Россией»<sup>4</sup>. Связывая убийство А. С. Грибоедова с этой борьбой, М. Махмуд приходит к выводу, что «...все те экономические завоевания, которых русские добились с помощью Туркманчайского договора, англичане стали добиваться другим путем»<sup>5</sup>. «Правительство Ирана,— признает далее М. Махмуд,— уже не ожидало опасности со стороны России, которая добилась установления естественной границы по Араксу и других претензий к Ирану не имела. К тому же, в резуль-

محمود محمود، تاریخ، روابط سیاسی ایران و انگلیس در قرن نوزدهم میلادی،  
جلد اول، چاپ دوم، سال ۱۳۳۶، ص ۲۲۲

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же, стр. 232.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же.

тате изменения политической обстановки в Европе, правительство России хотело сотрудничать с Ираном и старалось привлечь Иран на свою сторону»<sup>6</sup>. «Чтобы приобрести доверие иранских правящих кругов после тяжелого для Ирана Туркманчайского мира, Россия пыталась хорошо и осторожно обращаться с Ираном..., что можно было наблюдать и после убийства Грибоедова, когда царь фактически закрыл глаза на убийство русского посла»<sup>7</sup>. «Именно этот новый дружественный курс русской политики,— замечает М. Махмуд,— изменил отношение Англии к Ирану, несмотря на то, что Фатх-Али-шах целиком находился в руках Англии, политические агенты которой до 1830 г. были единственными советниками шаха и его двора. И надо быть благодарным тогдашнему иранскому правительству,— заключает Махмуд,— за то, что оно в тех исторических условиях, без обращения к третьей стране (Англии — Б. Б.) непосредственно обратилось к русским властям и таким путем ликвидировало конфликт, вызванный убийством Грибоедова»<sup>8</sup>.

Концепция М. Махмуда не нашла широкого отражения в современной иранской буржуазной историографии.

Среди тех, кто пытается отвергнуть политический характер тегеранского преступления, неприглядную роль играет проф. Али Акбар Бина. Защищая заведомо ложную концепцию, он не мог не прибегнуть к ложным доказательствам: «Бестактное, грубое поведение спутников Грибоедова в Тавризе,— отмечает Бина,— озадачило Аббас-мирзу, который через мехмандара обратил внимание Грибоедова на недисциплинированное, неприличное поведение его спутников»<sup>9</sup>. Далее проф. Бина ставит себя в смешное положение, когда пытается объяснить, в чем именно заключалось это плохое поведение служащих русской миссии. Бина «высчитал», что «русский посланник только для однодневного содержания сорока служащих миссии предъявлял спрос на одну корову, одного теленка, 40 кур, 200 яиц, 50 кг риса, 15 кг сливочного масла, 17 литров кислого молока, 6 кг сыра, 12 кг сахара, 9 кг лука, 300 литров всяких напитков, 120 кг хлеба и др. продуктов, стоимость которых превышала 75 голландских дукатов»<sup>10</sup>.

Все эти дутые цифры выставляют их автора — известного в Иране профессора — в самом смешном виде. Трудно даже поверить, чтобы доктор Тегеранского университета мог серьезно думать, что «ненасытные» сотрудники миссии истощили продовольственные запасы иранских базаров и этим навлекли на себя всенародный гнев; что каждый русский употреблял до 20 кг продуктов ежедневно, а все сорок служащих вместе — чуть ли не 800 кг в день. Версия Али Акбара Бина в худшем виде воспроизводит англо-иранскую фальшивку — анонимный «Рассказ персанина», так называемую «Реляцию происшествий, предшествовавших и сопровождавших убийство последнего русского посольства в Персии в 1829 г.»<sup>11</sup>.

В 1948 г. иранский профессор Аббас Эгбал опубликовал рукопись «Новой истории» сына Аббас-мирзы, принца Джахангир-мирзы. Это крайне тенденциозное сочинение, законченное автором в 1948 г., является одним из ранних иранских источников, пытающихся путем перетасовки и извращения фактов обвинить Грибоедова в собствен-

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> علی اکبر بینا، استاد تاریخ ایران دانشکده ادبیات تهران، تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران جلد اول، از گلناباد تا نر کمینچای ۱۱۳۴-۱۲۴۳ (هجری) سال ۱۳۳۳، تهران، ص ۲۵۱

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Научная критика этой фальшивки дана в работах В. Т. Пашуто, Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. «Исторические записки», АН СССР, т. 24, М., 1947 г. и С. В. Шостаковича, Происхождение «Реляции» о гибели грибоедовской миссии, «Труды Иркутского госуниверситета», т. XVI, вып. 3, 1956.

ной гибели. Прежде всего Джахангир-мирза необоснованно обвиняет посланника России в том, что освобождая пленных, он отвлекал свое внимание делами, далеко стоявшими от договора<sup>12</sup>.

Проф. А. Эгбал, у которого хранились рукописи Джахангир-мирзы, по этому поводу замечает, что в Тегеране все думы и желания посланника были устремлены к оставленной в Тавризе привлекательной жене, которую он любил, из-за которой хотел быстро закончить дела и поэтому не уделял внимания выполнению отдельных статей мирного договора<sup>13</sup>. Нет нужды доказывать, что А. С. Грибоедов точно выполнял Туркманчайский договор, а освобождение и возвращение пленных на родину было для него не только договорной обязанностью, но и высоким гуманным долгом.

Тенденция иранской историографии не замечать тех статей Туркманчайского договора, которые посвящены проблеме освобождения пленных, на первый взгляд представляется нелепой. Между тем именно эта проблема была использована кадjarской кликой в качестве повода для кровавого преступления. Шах официально не осмеливался препятствовать освобождению пленных, но он не препятствовал и тем, кто прятал пленных, зачислял их в солдаты, продавал в рабство, отправлял в другие города, а женщин прятал в гаремы. Внимательное изучение источников показывает, что А. С. Грибоедов вынужден был согласиться на создание нескольких групп из числа представителей местного населения и сотрудников русской миссии, которые посещали те дома, где, по имевшимся сведениям, находились пленные. Последних они знакомили с содержанием статьи XII Туркманчайского договора, затем в сопровождении сотрудников посольства и представителей дома, где они находились, приводили их к Грибоедову, который публично их опрашивал. Желавшие вернуться на родину временно оставались в помещении посольства, а те, которые хотели остаться в Иране, возвращались к себе.

Правительство шаха не предоставило Грибоедову специального помещения для временного содержания возвращающихся на родину пленных, особенно женщин, которых опасно было оставить на прежних местах жительства. В этом отношении охраняемое помещение русской миссии, служившее местом «беста» (неприкосновенного убежища для преследуемых), представлялось наиболее подходящим сборным пунктом. Заметим еще, что Грибоедов заблаговременно выделил для пленных женщин комнаты, смежные с отделением евнуха Мирза-Якуба, которому было поручено смотреть за ними. Кроме того, для охраны женских комнат был выставлен караул специально из солдат иранской охраны миссии<sup>14</sup>. Все это должно было быть известно и принцу Джахангир-мирзе, так как иранские сарбазы только для того и обслуживали русскую миссию, чтобы передавать своему начальству все, что узнавали о русских. Впрочем, Джахангир-мирза поставил себе целью компрометировать русского посланника разными измышлениями. Джахангир-мирза извращает факт привода к Грибоедову пленницы из гарема бывшего первого министра Аллахьяр-хана. По его словам, Грибоедов отказался опросить эту женщину в присутствии людей Аллахьяр-хана, пленницу оставил у себя в миссии, а сопровождавших ее иранцев отправил обратно<sup>15</sup>. Развивая эту ложную версию Джахангир-мирзы, проф. Али Акбар Бина, без ссылки на какой-либо источник, столь же тенденциозно утверждает, будто пленницы из гарема

<sup>12</sup> جهانگیر میرزا، تاریخ نو، شامل حوادث دوره قاجاریه از سال ۱۲۴۰ تا ۱۲۶۷ قمری، تهران، شهریور ۱۳۲۷، ص ۱۲۰

<sup>13</sup> عباس اقبال، تاریخ مفصل ایران از استیلاي مغول تا انقراض قاجاریه، تهران، سال ۱۳۲۰، ص ۳۹۱

<sup>14</sup> Об этом см. С. В. Шостакович, Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова..., стр. 224, а также Г. М. Петров, Новые материалы об убийстве А. С. Грибоедова, «Ученые записки института Востоковедения», т. VIII, М., 1953 г., стр. 158.

<sup>15</sup> جهانگیر میرزا، تاریخ نو، ...، ص ۱۲۱—۱۲۲

Аллахяр-хана объявили о своем желании остаться в Тегеране, однако Грибоедов, дескать, приказал доставить этих женщин в помещение миссии, чтобы допросить их лично<sup>16</sup>.

Между тем, оставшиеся в живых после разгрома миссии первый секретарь Мальцов и переводчик Меликов неопровержимо доказали, что женщины из гарема Алла-хяр-хана были публично опрошены Грибоедовым и оставлены в помещении миссии после того, как объявили о своем желании вернуться на родину.

Во дворце шаха болезненно реагировали на пребывание в миссии принявшего русское подданство, бывшего евнуха Мирза-Якуба, который передал Грибоедову адреса пленных и, как бывший хранитель бриллиантов гарема и составитель иранского бюджета, мог оказать России большую услугу при выплате Ираном контрибуции, так как шах отказался от уплаты двух последних куруров. Известно, что, не добившись выдачи Мирза-Якуба, иранские власти объявили его вором. Эта ложная версия до сих пор всячески раздувается в иранской историографии. Более того, проф. Эгбал и повторяющий его версию профессор Тавризского университета Ахмед Тадж-Бахш утверждают, что разгром русской миссии якобы был вызван тем, что Мирза-Якуб приказал охране посольства стрелять в собравшийся народ, в результате чего было убито три иранца<sup>17</sup>.

Не менее тенденциозна и версия Джахангир-мирзы. По его словам, Мирза-Якуб в присутствии Грибоедова осыпал бранью иранцев, пришедших с просьбой освободить женщин, после чего «с крыш и стен соседних домов слуги посланника открыли стрельбу, убили и ранили многих мусульман»<sup>18</sup>.

Проф. Бина рассказывает, что накануне этих событий шах отправил к миссии тегеранского губернатора принца Зель-эс-Султана и других принцев, чтобы усмирить толпу. Вслед за этим Бина, неведомо откуда, цитирует выкрики из толпы, обращенные к принцам: «Идите и отдайте русским своих жен. Такие дела подстать бороде вашего отца-шаха, который ежедневно холит ее розовой водой»<sup>19</sup>.

Многое ложно или искажено в этих версиях. Нельзя, например, допустить, чтобы Мирза-Якуб, четверть века приученный к церемониалу шахского двора, мог позволить себе в присутствии освободившего его Грибоедова, знавшего персидский язык, оскорблять иранцев, или, не считаясь с присутствием Грибоедова, приказывать страже стрелять в толпу. При всех обстоятельствах казаки и не стали бы выполнять приказаний Мирза-Якуба. Отметим также, что число убитых иранцев в иранских хрониках явно преувеличено: известно, что в тот день убито было всего 19 тегеранских жителей<sup>20</sup>, а Бина и Джахангир-мирза увеличивают число жертв в четыре раза. Надо полагать, что некоторые из этих местных жителей были убиты самими иранцами. По версии Джахангир-мирзы, стрельба была открыта слугами Грибоедова, которые якобы с этой целью взобрались на крыши соседних домов<sup>21</sup>. Между тем известно, что посольская охрана находилась во внутреннем дворе миссии. Мальцов свидетельствует, что не казаки, а персы заполнили все крыши и проходы<sup>22</sup>. При этом окружившая миссию четырехтысячная толпа не могла не воспользоваться всеми возможностями, чтобы проник-

<sup>16</sup> علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران...، ص ۲۰۱

<sup>17</sup> عباس اقبال، تاریخ مفصل ایران...، ص ۳۹۲

احمد تاج بخش، روابط ایران و روسیه در نیمه اول قرن نوزدهم، تبریز، ۱۳۳۷، ص ۱۰۱—۱۰۰

<sup>18</sup> جهانگیر میرزا، تاریخ نو، ص ۱۶۳—۱۲۲

<sup>19</sup> علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران...، ص ۲۵۲

<sup>20</sup> АКАК, т. VII, стр. 689; Кавказский сборник, т. XXX, Тифлис, 1910 г., стр. 165.

<sup>21</sup> جهانگیر میرزا، تاریخ نو...، ص ۱۲۳

<sup>22</sup> См. И. К. Ениколопов, Грибоедов и Восток, Ереван, 1954, стр. 187.

нуть в охраняемое здание миссии. Все это говорит о том, что на стенах и крышах домов были не слуги посла, стрелявшие в народ и провоцировавшие разгром миссии, а слуги шаха. Вероятнее всего, это были присоединившиеся к толпе солдаты тегеранского губернатора. Когда в ночь на 31 января 1829 г. переодетого Мальцова доставили во дворец, Зель-эс-Султан признался ему, что «поехал было усмирять народ, но вынужден был вернуться, чтобы разъяренная чернь не бросилась во дворец шаха»<sup>23</sup>. Надо полагать, что солдаты принца присоединились к толпе по заранее составленному плану, а сам Зель-эс-Султан, как один из главных организаторов заговора, меньше всего заботился о безопасности персоны шаха, предусмотрительно держался в стороне и выжидал разгрома миссии, потому что Иран выплачивал России контрибуцию, а принц не мог «равнодушно смотреть на умаление сокровищ, которые в случае смерти шаха... могли бы ему достаться»<sup>24</sup>. Кроме того, Зель-эс-Султан надеялся овладеть престолом и потому ненавидел Туркманчайский договор, которым его страшный брат Аббас-мирза был признан наследником престола. Не исключено, что губернатор Тегерана действовал по указке английской миссии. Об этом можно судить с большой вероятностью, так как после смерти шаха этот принц пытался овладеть престолом, за что был заключен в ардебильскую тюрьму. Из заключения ему удалось убежать в Багдад к англичанам, которые оказали ему блестящий прием.

Другим организатором заговора против А. С. Грибоедова был зять и бывший первый министр шаха, снятый с должности за кражу государственных денег, Аллахяр-хан Асаф-эд-Довле — старый агент Ост-Индской компании, многие годы получавший персональную английскую субсидию, а также вовлеченный в заговор Аллахяр-ханом глава тегеранского духовенства муджтехид Мирза-Месих. Вместе с Аббас-мирзой все они действовали с одобрения шаха. Не случайно, что после разгрома миссии шах завязал секретные переговоры с турецким султаном, войска которого именно в это время перешли в наступление против русских, и собирался начать против России третью войну<sup>25</sup>, которая, по меткому замечанию иранского историка Тадж-Бахша, хорошо, что не началась, так как закончилась бы потерей всего Азербайджана<sup>26</sup>.

О закулисной роли Англии в заговоре против Грибоедова, отмеченном иранским историком проф. М. Махмудом, свидетельствует еще одна характерная деталь: чтобы отвести от себя подозрения, многие англичане накануне разгрома русской миссии предусмотрительно покинули Тегеран, а те, кто остался в здании британского посольства, фактически выдали погромщикам тех немногих сотрудников русской миссии, которые пытались спастись в помещении английской миссии, служившей «бестом»<sup>27</sup>. Кровавое преступление в Тегеране подготовлено было заранее. Именно поэтому «охранявшие» миссию караульные иранские сарбазы в день погрома оказались без винтовок, заблаговременно сложенных на чердаке и затем растащенных погромщиками. Не случайно и то, что тавризский мехмандар Грибоедова, Назар-Али-хан Афшари накануне разгрома миссии был вызван к губернатору Тегерана Зель-эс-Султану и больше от него не возвращался. Не было тогда при Грибоедове и тегеранского мехмандара. Отметим еще, что записи переводчика миссии Меликова о переговорах евнуха Манучехр-хана с шахом в день разгрома миссии также устанавливают участие шаха и его отпрысков в подготовке и осуществлении коварного заговора. Судя по этим записям, когда муджтехид Мирза-Месих отправился в соборную мечеть, чтобы повести фанатичную толпу к русской миссии, Манучехр-хан узнал об этом и в гареме обо всем рассказал шаху. Последний «ответил, что он уже знает об этом и что

<sup>23</sup> П. Е. Ефремов, О смерти А. С. Грибоедова в Тегеране, «Русский архив», 1872, № 7—8.

<sup>24</sup> ЦГВИА, ф. ВУА, ф. 4329, л. 98.

<sup>25</sup> ЦГИА Грузинской ССР, ф. 11, оп. 1, д. 40, л. 82.

<sup>26</sup> احمد تاج بخش، روابط ايران و روسيه ..، ص ۱۷۴

<sup>27</sup> Об этом см. Т. В. Armstrong, Journal of Travels in the Seat of War, London, 1830, p. 129.

уже отдал приказание Зель-эс-Султану, чтобы на случай волнения в народе и если только народ нападет на русскую миссию, разогнать его»<sup>28</sup>. Таким образом, шаху было заранее известно о заговоре. Только поэтому он вяло реагировал на информацию евнуха и продолжал находиться в гареме, несмотря на то, что убийство российского посла могло привести к новой войне. Заметим еще, что указание шаха принцу Зель-эс-Султану предусматривало разгон толпы не тогда, когда миссия была окружена, а только после нападения на миссию. Поэтому приказание шаха практически невозможно было выполнить. Не случайно и то, что шах, отдав распоряжение принцу, оставался равнодушным к происходившему у стен миссии.

О заговоре каджарской клики Грибоедову было известно еще за несколько дней до разгрома миссии. Об этом, в частности, говорит содержание русской ноты, переданной 29 января иранскому министру иностранных дел<sup>29</sup>. Кроме того, о готовящемся заговоре Грибоедов был заблаговременно оповещен Манучехр-ханом, отправившем с этой целью к посланнику свою мать Воски Латун Ениколопову и племянника Сулейман-хана Меликова (страшего), которые были убиты во время разгрома.

Несмотря на угрожавшую опасность, А. С. Грибоедов решительно отклонил все предложения о выезде, остался в миссии и мужественно погиб на посту. Следует отметить, что 15 ноября 1958 г., в обстановке обострившихся советско-иранских отношений, вызванных подготовкой к заключению двухстороннего «Ирано-американского военного соглашения о взаимной обороне», тегеранская газета «Этталаат», ссылаясь на фиктивного «участника» разгрома русской миссии, старосты иранской деревни Рустамабад Гамбар-Али, пытается навести тень на мужественное поведение А. С. Грибоедова перед смертью, утверждает, будто русский посланник пытался оставить здание миссии и скрыться. «В конце концов,— говорится в статье,— народ арестовал русского посланника в его же доме, потом разрушил этот дом и убил Грибоедова»<sup>30</sup>.

Все ложно в этой абсурдной версии. 30 января Грибоедов из миссии никуда не отлучался. Его нежелание уйти из миссии, равно как и уехать из Тегерана до окружения миссии погромщиками, полностью опровергают измышления этого деревенского старосты.

Известно, что когда толпа ворвалась в четвертый двор, где находился дом посланника, часть казаков, чиновников и прислуги самоотверженно защищалась у дверей комнаты Грибоедова, который тоже отстреливался из ружей, подаваемых ему Меликовым. Перестрелка продолжалась до тех пор, пока взбравшиеся на крышу погромщики взломали потолок и сверху забросали Грибоедова камнями и палками.

Дезинформация тегеранской «Этталаат», опубликовавшей ложную версию о Грибоедове, была частично связана и с сенсационными публикациями материалов об иранских старцах, что, вопреки фактам, должно было показать высокую продолжительность жизни иранцев. Любопытно, что корреспондент этой газеты, обнаруживший в Рустамабаде Гамбар-Али, не удовлетворился тем, что по паспорту ему было 130 лет. Для того, чтобы придать этому вопросу политический характер, он сфабриковал легенду о «Деревенском старосте, получившем у бога 150 лет жизни», т. е. иначе Гамбар-Али не мог быть участником разгрома русской миссии в 1829 г. Задача корреспондента облегчалась тем, что совершенно неграмотный старик не помнил своего возраста, а запись даты его рождения, сделанная его отцом на обложке корана, бесследно исчезла вместе с священным писанием<sup>31</sup>. Таким образом, 30 января 1829 г., когда был

<sup>28</sup> Г. М. Петров, Новые материалы..., стр. 154.

<sup>29</sup> А. Мелшинский, Подлинное дело о смерти Грибоедова, «Русский вестник» июнь 1890, стр. 171.

<sup>30</sup> اطلاعات، ۲۴ آبان ماه ۱۳۳۷. «کدخدائی که ۱۵۰ سال از خدا عمر گرفته»

۱۱ Доп. данные о Гамбар-Али см. Ч. Байбурди, Новое о гибели А. С. Грибоедова, «Русская литература», № 4, Ленинград, 1959, стр. 171.

<sup>31</sup> اطلاعات، ۲۴ آبان، ۱۳۳۷، ص ۱۱

убит А. С. Грибоедов, Гамбар-Али, если даже судить по его паспорту, было только 10 лет, что ставит под сомнение его показания. Изучение источников убеждает нас еще и в том, что вложенные в уста Гамбар-Али путанные сведения относятся не к Грибоедову, а к первому секретарю миссии Ивану Сергеевичу Мальцову, который в одном из своих донесений рассказал о том, как он во время разгрома миссии спрятался в комнате тавризского мехмандара Назар-Али-хана и спасся тем, что двумя тысячами рублей подкупил охранявших эту комнату фаррашей, а последние роздали часть этих денег погромщикам и не дали им проникнуть в комнату хана<sup>32</sup>. Это признание Мальцова полностью опровергает измышления Гамбар-Али и газеты «Эттелаат».

В числе других иранских версий о гибели А. С. Грибоедова наиболее «удобная» тенденция отражена в книге «Наша родина» небезызвестного современного писателя Мохаммеда Хеджази, который отстаивает официальную версию царской России. Хеджази, чтобы снять вину с иранского правительства, утверждает: «...поскольку Мальцов и Макдональд уже доказали, что Грибоедов был виновен в своей смерти, иранским историкам незачем пересматривать этот вопрос»<sup>33</sup>. Впрочем, М. Хеджази сам опроверг себя, когда проговорился, что Хосров-Мирза был отправлен в Петербург для принесения извинений после того, как «вина» Грибоедова была установлена Мальцовым и Макдональдом. Непоследовательность этой аргументации Хеджази очевидна, так как принцу незачем было ехать в Петербург и приносить извинения, если бы иранская реакция не была виновна в убийстве Грибоедова.

Концепция М. Хеджази перекликается с содержанием другой иранской фальшивки, известной под названием «Перевод фирмана шаха персидского на имя Его Высочества наследника престола». Речь идет о легенде, сфабрикованной по заданию английского посланника иранским министерством иностранных дел<sup>34</sup>. Этот фирман был отправлен в Тавриз с расчетом, чтобы непременно был перехвачен и прочитан русской администрацией. Вот основные положения этой фальшивки:

1. Мирза-Якуб должен был казне до 50 тысяч туманов, а Грибоедов отказался выдать его иранским властям для производства с ним расчета.

2. Женщины из гарема Аллахяр-хана, из которых одна была беременна, были курдianками из г. Муша (Турция), а Грибоедов говорил, что они из Караклиса. Для уточнения этого вопроса шах приказал отправить этих женщин в русскую миссию. Там Грибоедов убедился, что они из Турции, но тем не менее удержал их в своем доме. Вопли этих протестующих женщин возмутили горожан.

3. Сотрудники миссии обругали одного сеида и втащили во двор одну проститутку.

4. Караульные миссии убили и ранили нескольких иранцев, пытавшихся силой вырвать женщин. Увидя убитых и раненых, народ разгромил миссию<sup>35</sup>.

Отметим, что организаторы тегеранского заговора не могли не учитывать решающего влияния продолжавшейся в то время русско-турецкой войны на русско-иранские отношения после убийства посланника России. И действительно, перспектива открытия нового фронта на Востоке совершенно не привлекала Петербургский двор. Поэтому подброшенный шахом анонимный «фирман на имя наследника престола» был охотно принят графом Нессельроде и лег в основу официальной версии царской России об убийстве А. С. Грибоедова. В этой связи мы считаем не лишним обратиться к русским источникам для выяснения происхождения этой официальной версии, основанной на фальсификации иранских документов царским министерством иностранных дел.

<sup>32</sup> А. С. Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников, ред. и примечания Давыдова, Ленинград, 1929, стр. 194.

<sup>33</sup> محمد حجازي، ميهن ما، تهران، ۱۳۳۸، ص ۱۵۶.

<sup>34</sup> См. В. Т. Пашуто, Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова..., стр. 149.

<sup>35</sup> См. Кавказский сборник, т. XXX, стр. 136—139.

В распоряжении министра Нессельроде, наряду с переводом этого шахского фирмана, имелись десять донесений Мальцова, в которых опровергались все пункты ложной легенды шаха и которые неопровержимо свидетельствовали о виновности в тегеранском преступлении самого шаха и тегеранских властей. Кроме того, Паскевич дважды (23 февраля и 23 марта 1829 г.) писал графу Нессельроде, что нельзя считать достоверными «сведения персиан». Паскевич указывал также, что разгром миссии был подготовлен и осуществлен «партией, желающей войны», что преступление было «обдуманном последствием самого вероломного коварства», чтобы вовлечь шаха в новую войну или отдалить от иранского престола Аббас-мирзу в пользу одного из его братьев, возглавлявших вместе с Аллахяр-ханом партию войны. Вместе с тем Паскевич предупредил Нессельроде, что независимо от причин и обстоятельств убийства русского посланника, невозможно начать войну с Ираном «при настоящей войне с Турцией, при тех значительных силах, которые турки собирают в Азии», и при малочисленности русских войск в Закавказье<sup>36</sup>. Последнее обстоятельство имело решающее значение, и Нессельроде написал Паскевичу: «Его величеству отрадна была бы уверенность, что шах персидский и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу и что сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской...»<sup>37</sup>.

Чтобы желаемое выдать за явное, это предписание Нессельроде было ловко приписано Фатх-Али-шаху, объявлено официальной версией и в таком виде обошло отечественную и зарубежную литературу.

Между тем по случаю убийства А. С. Грибоедова шах отправил царю два письма. Их содержание не соответствовало духу сфабрикованной официальной версии, и поэтому они не были опубликованы. Проф. М. Махмуд, ссылаясь на «Путевые записки» хрониста Мирза-Мустафы, находившегося в свите принца Хосров-мирзы, указывает, что в Петербурге, накануне официальной аудиенции у Николая, ген. Сухтелен попросил Хосров-мирзу написать текст своего выступления, чтобы царь мог ответить на него. Сопровождавшие принца Мирза-Масуд и Эхтешам составили это выступление, перевели на французский язык и передали Сухтелену<sup>38</sup>. Это было сделано для того, чтобы царь ответил не на грамоту шаха, а на речь Хосров-мирзы.

Понятно, что для объективного освещения вопроса необходимо было найти персидские тексты писем шаха и выступления Хосров-мирзы в Зимнем дворце. Поиски этих важных документов не остались безрезультатными. Выяснилось, что текст одного из писем шаха был составлен в 1829 г. тавризмским каймаком и литератором Аболь-Гасемом Фарахани. Впервые это «Письмо Фатх-Али-шаха Каджара императору России после убийства посланника» было напечатано литографским способом в 1863 г. в сборнике произведений Гаем-Могамма<sup>39</sup>, а в 1934 г. тегеранский издатель Сеид-Мохаммед Тадайон опубликовал это письмо в литературной хрестоматии<sup>40</sup>.

Наследный принц Аббас-мирза отправив своего сына Хосров-мирзу в Тбилиси, надеялся затянуть там переговоры, так как положение воюющей Турции оставалось невыясненным. Однако ген. Паскевич, не вступая в переговоры, отправил иранскую делегацию в Петербург, оповестил об этом Аббас-мирзу и просил спешить с отправлением письма шаха к императору. Только в Новгороде иранский курьер догнал Хосров-мирзу и вручил ему письма Фатх-Али-шаха. В одном из них указывалось:

«Пусть не останется тайной от жаждущего правды... императора Всероссийского, что посланник государства Российского в столице нашей державы, вследствие случай-

<sup>36</sup> Кавказский сборник, т. XXX, стр. 119—120.

<sup>37</sup> Там же, Нессельроде-Паскевичу от 16 марта 1829 г., стр. 170.

<sup>38</sup> محمود محمود، تاریخ روابط سیاس ایران و انگلیس... ص ۲۲۷

<sup>39</sup> قائم مقام، منشآت فصائد و قطعات، تهران، ۱۲۸۰

<sup>40</sup> سید محمد تدریس، منتخبه الادب، تهران، ۱۳۱۳

ности и волнения темных людей нашего города, подвергся урону, возмещение которого является обязанностью подчиненных Вашего действительного друга.

Поэтому, в виде предварительного шага, для принесения извинений, отправляем в столицу Российского государства нашего высокого сына Хосров-мирзу с правдивым письмом, в котором изложена случайность указанного события и неосведомленность об этом происшествии руководителей нашей державы.

Ввиду абсолютного единства, которое существует между нашими двумя высочайшими персонами, считаю долгом для своего царствования отомстить за смерть указанного посланника. Поэтому всякий из числа жителей и руководителей столицы, в причастности которого к этому делу имелось хоть малейшее подозрение, по мере вины был привлечен к ответственности и подвержен высылке. Даже городской пристав и старшина района, обвиняемые в том, что они были поздно оповещены о событиях и вовремя не приняли соответствующих мер в городе и районе, нами сняты со своих постов и наказаны.

Больше всего заслуживает внимания наказание, которому мы подвергли его высокопреосвященство Мирза Месиха, невзирая на его высокий религиозный сан и уважение, которым он пользуется среди привилегированных и простых людей»<sup>41</sup>.

Текст этого письма шаха вовсе не создает впечатления, что А. С. Грибоедов был жертвой своих «опрометчивых порывов усердия», приписанных ему царским министром иностранных дел. Из этого же письма стало известно о существовании другого послания, скорее все шахской грамоты, обнаруженной в фондах Центрального Государственного Исторического Архива Грузинской ССР<sup>42</sup>. В интересующей нас части этого документа указывается: «Оком зависти взирал мир на наше счастье, и перед ядовитым его взором затмился свет нашей звезды. Радость наша обратилась в печаль, горьким сделалось то, что прежде было так сладостно. Грибоедов прислан был полномочным министром от Российской державы и был по сей причине дорогим гостем нашего государства. Мы оказали ему такие почести и благорасположение, каких еще никого из посланников не удостоивали, но враждебный рок судил ужасное происшествие, коего описание стесняет сердце наше и исполняет нас живейшею горестью... Вашему Величеству известно, что никакой благоразумный человек никогда не мог покуситься на подобное дело. Милосердный Боже! Возможно ли подозревать, чтобы наши визири и вельможи приняли участие в этом ужасном происшествии в то самое время, когда новый, счастливый мир, источник радости и благополучия венчал желания обеих держав. Хотя драка между людьми посланника и чернью, столь внезапно возникшая, что невозможно было оказать никакой помощи, была причиною сего ужасного происшествия, однако же, визири наши перед Вашим Величеством покрыты пылью стыда и лишь струя извинения может обмыть их лица»<sup>43</sup>.

Таким образом, грамота шаха также не обвиняет А. С. Грибоедова, а объясняет разгром русской миссии дракой, возникшей между горожанами и служащими посольства. Все это говорит о причинах, из-за которых письма шаха не предавались гласности. Понятно, что Несельроде не ограничился этим и приспособил все другие официальные документы, относившиеся к убийству А. С. Грибоедова, к смыслу сфабрикованной официальной версии. Выяснение этого вопроса стало возможным после опубликования проф. М. Махмудом рукописей Мирза-Мостафы. Сличив русский официальный перевод с персидским текстом речи принца Хосров-мирзы, мы установили довольно неприглядную картину. В интерпретации Несельроде принц заявил: «Ужасалось праведное сердце Фатх-Али-шаха при мысли, что горсть злодеев может привести к

<sup>41</sup> سید محمد زیدین، مدتیته الادب...، ص ۱۰۰ — ۹۹ (از «منشآت واتم مقام»)

<sup>42</sup> ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, оп. 1, д. 40. В деле хранится фотокопия французского и русского переводов полного текста. Персидский текст этой грамоты шаха найти не удалось.

<sup>43</sup> ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, д. 40, л. 35 об.

разрыву мира и союза между Его Величеством и великим монархом России»<sup>44</sup>. В этом отрывке «праведному» шаху противопоставляются безликие «злодеи», разгромившие русскую миссию по предначертанию судьбы. Между тем эта часть персидского текста, как увидим ниже, резко отличается от фальсифицированного русского перевода:

«...دولت با انصاف و باحشمت اعليحضرت شاهنشاهی ایران بخيال اینکه يك  
مشت بداندیش بدست فتنه و فساد تواند روابط صلح و اتحاد را که تازه با پادشاه  
بزرگ روسیه مستحکم شده برهم زند از تغير مرتعش شد...»<sup>45</sup>

«...Правительство Его Величества шахиншаха Ирана пришло в содрагание от гнева при мысли, что горсть зломышленников, направляемых рукой провокаций и интриг, может нарушить мирные и союзные отношения, восстановленные недавно с Великим Государем России».

Нетрудно заметить, что в первоначальном официальном русском переводе вовсе не сказано о том, что горсть врагов направлялась «рукой провокаций и интриг». Эта часть персидского текста, несомненно, была выброшена, так как снимала вину с А. С. Грибоедова и возлагала ответственность за гибель русской миссии на иранское и английское правительства.

Ответственность Ирана и Англии была признана и другим путем. Организатором погрома был признан глава тегеранского духовенства Мирза-Месих, которого финансировали англичане и за действия которого правительство шаха несло полную ответственность.

Таким образом, письма шаха и речь Хосров-мирзы в Петербурге кладут конец фиктивной версии царского министра иностранных дел графа Несельроде, который, в интересах политики царизма на Востоке, обвинил А. С. Грибоедова в собственной гибели и тем самым снял ответственность с подлинных организаторов тегеранского преступления.

\* \* \*

Для разоблачения фальсификации истории убийства А. С. Грибоедова в иранской буржуазной историографии важное значение имеют армянские источники, а также донесения И. С. Мальцова, бывшего секретаря грибоедовской миссии.

При оценке этих источников в нашей советской историографии определились два разных подхода. Если Г. М. Петров с недоверием отнесся к показаниям Мальцова и выдвинул на первый план информацию Манучехр-хана, то С. В. Шостакович ставит под сомнение достоверность информации Манучехр-хана и снова отдает приоритет донесениям Мальцова. На наш взгляд, оба эти подхода нуждаются в пересмотре ввиду важности обоих источников.

С. В. Шостакович является автором статьи «Происхождение «Реляции» о гибели грибоедовской миссии», в которой он разоблачает эту англо-иранскую фальшивку. Однако это не помешало ему сослаться на ту же «Реляцию» и верить ей при оценке армянских источников. Ссылаясь на секретаря тавризского мехмандара, С. В. Шостакович считает, что Манучехр-хан «играл слишком сомнительную роль», а Меликов был «шахским гонцом», который должен был просить Грибоедова отказаться от покровительства беглецам, чтобы избежать разгрома миссии. С. В. Шостакович указывает, что шах с помощью Меликова пытался запугать посланника, чтобы добиться выдачи Мирза-Якуба, а Манучехр-хан впоследствии выставил это за свою «рискованную попытку спасти посланника и его свиту от грозящей им опасности»<sup>46</sup>. Вся эта аргумента-

<sup>44</sup> Кавказский сборник, т. XXX, стр. 209.

<sup>45</sup> محمود محمود، تاريخ روابط سياسي ایران و انگلیس...، ص ۲۲۷

<sup>46</sup> С. В. Шостакович, Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, Москва, 1960, стр. 232.

ция построена на одних предположениях. Поскольку «Релиция» выставилась как иранская версия, подлинные авторы этой фальшивки, чтобы не выдать себя, не могли обвинить Манучехр-хана в измене. Никакой заместитель тавризского мехмандара не осмелился бы компрометировать Манучехр-хана при его жизни без риска быть наказанным. Поэтому неудивительно, что главный евнух показан в «Реляции» как преданный шаху соратник. На наш взгляд, Манучехр-хан и Меликов не угрожали и не запугивали Грибоедова, а лишь предупредили его о заговоре. Разве не об этом говорит тот факт, что мать Манучехр-хана и его родственник, коллежский ассесор князь Сулейман-хан Меликов остались при Грибоедове и вместе с ним погибли через несколько часов? Как бы Манучехр-хан ни выслуживался перед шахом, он вряд ли ради этого принес бы в жертву свою мать и племянника.

Для выяснения политической ориентации Манучехр-хана представляют интерес отзывы о нем бывшего вице-консула в Иране Ваценко и адъютанта ген. Паскевича капитана Вальховского. Ваценко предлагал ген. Ермолову по всем вопросам обращаться не к агенту Англии, министру иностранных дел Мирза-Аболь-Хасан-хану, а непосредственно к Манучехр-хану, исполнявшему в то время обязанности первого министра шаха. «Чтобы быть нам полезным,— говорилось в донесении вице-консула от 30 мая 1825 г.,—Манучехр-хан не дает хода иранскому министру иностранных дел ни в чем»<sup>47</sup>. Позднее капитан Вальховский, отправленный к шаху по вопросу контрибуции, доносил ген. Паскевичу, что родной брат подполковника Ениколопова (служившего в Тифлисе в дипломатической канцелярии главнокомандующего) Манучехр-хан «...личным противником русских не имеет никакой причины быть. В начале войны его даже подозревали в приверженности к нам... Он более других имеет случаи видеть шаха, от того его влияние значительно... Имея родственников на нашей службе, он не может быть равнодушным к благосклонности Вашего Высокопревосходительства»<sup>48</sup>. Все это говорит о том, что Манучехр-хан (фамилия которого нигде не указывается несмотря на то, что его мать и родной брат известны как Ениколоповы) был русофилом, хотя и вынужден был скрывать от шаха свое истинное отношение к России. Не подлежит сомнению, что Манучехр-хан Ениколопов был единственным иранским государственным деятелем, который дорогой для себя ценой пытался спасти от гибели А. С. Грибоедова и предотвратить трагедию русской миссии. Достоверность переданной им Меликову информации о переговорах с шахом не вызывает сомнения.

Заметим, что исследователи путают двух Сулейман-ханов Меликовых. Например, Г. М. Петров, опубликовавший записки Мартирос-хана, ошибочно указывает, что «Сулейман-хан Меликов, работавший переводчиком в русском посольстве, по поручению своего дяди Манучехр-хана... явился лично к А. С. Грибоедову и предупредил его о грозившей опасности»<sup>49</sup>. В связи с этим Г. М. Петров столь же ошибочно обвиняет Мальцова в извращении фактов за то, что в рапорте он указал, что видел Меликова в разгаре событий, тогда как видел его на рассвете 30 января<sup>50</sup>. Между тем из текста записок Мартирос-хана, приведенного Г. М. Петровым, видно, что на рассвете 30 января к Грибоедову отправился не сын Давид-хана Меликова, т. е. не переводчик миссии Сулейман-хан, а его дядя (брат Давид-хана), тоже Сулейман-хан Меликов, прибывший в Тегеран на поиски пленных родственников. Последний был убит вместе с Грибоедовым, а переводчик Сулейман-хан Меликов остался жив: предупрежденный об опасности, утром 30 января он не вышел на работу, или появился в миссии после разгрома. Поэтому не исключено, что Мальцов 30 января видел не одного, а двух Сулейман-ханов Меликовых: старшего из них — рано утром, а младшего, который был переводчиком,— позднее.

<sup>47</sup> АКАК, т. VI, ч. 2, № 573.

<sup>48</sup> ЦГВИА, ф. ВУА, л. 4329, л. 97—97 об.

<sup>49</sup> Г. М. Петров, Новые материалы..., стр. 154.

<sup>50</sup> Там же.

Все эти обстоятельства остались незамеченными исследователями. Выяснение этого вопроса важно еще и в том отношении, что кроме трех уже известных сотрудников русской миссии (Мальцов, Ибрагим-бек и Гасратов), оставшихся в живых после событий 30 января 1829 г., выявлен четвертый сотрудник — переводчик миссии Сулейман-хан Меликов, которого ошибочно считали убитым во время погрома.

Известно, что Мальцов в течение трех часов штурма миссии укрывался в квартире мехмандара Назар-Али-хана, охраняемый подкупленными фаррашами. По рассказу находившегося в Иране тифлисского купца Егора Бежоева, Мальцов спрятался в сундуке<sup>51</sup>, а по другой версии, якобы рассказанной самим Мальцевым своему знакомому в Ницце, фарраш «завернул Мальцова в ковер и поставил его в угол комнаты, где стояли другие ковры, свернутые в трубки»<sup>52</sup>. Из комнаты Назар-Али-хана Мальцов мог видеть немного и в основном догадывался о происходивших событиях. Большое здание миссии состояло из четырех дворов, и Мальцов мог наблюдать только первый этап штурма или то, что происходило в первом дворе миссии, к которому примыкала квартира тавризского мехмандара и, конечно, не мог видеть динамики событий в четвертом дворе, где находилась квартира Грибоедова. С другой стороны, первый секретарь миссии знал о всех обстоятельствах до окружения миссии, и в этом ценность его донесений, если исключить все то, что он был вынужден писать по принуждению, в духе официальной версии. Переводчик миссии Сулейман-хан Меликов тоже не был очевидцем всех событий. Однако переданные ему Манучехр-ханом сведения о его переговорах с шахом накануне и в ходе разгрома миссии представляют большую ценность, так как разоблачают шаха и его сына, губернатора Тегерана Зель-эс-Султана, как главных организаторов преступления.

Нам кажется вероятным, что дополнительные, более подробные сведения о разгроме миссии Мальцев и Меликов получили позднее, несмотря на то, что объективную информацию получить было нелегко, так как каждый из погромщиков, которых трудно было найти, опасался личной ответственности за соучастие в убийстве А. С. Грибоедова и других сотрудников миссии.

В этой связи отметим еще, что для сбора сведений у Меликова было больше возможностей, чем у Мальцова, который после убийства Грибоедова оставался в Тегеране только 17 дней, к тому же жил под наблюдением в шахском дворце и в основном узнавал о случившемся в интерпретации пристрастных иранских политических деятелей.

Иначе сложилась судьба С. Меликова, который остался в Тегеране и поступив в иранскую армию, дослужился до генеральского звания. Впоследствии сведения о разгроме миссии он передал начальнику штаба шахской казачей бригады армянину Мартирос-хану. Записи последнего, датированные 30 июля 1897 г., хранились в архиве командира этой бригады полковника Коссоговского<sup>53</sup>.

<sup>51</sup> ЦГИАЛ, ф. 1018, д. 122, л. 1—2 об.

<sup>52</sup> Г. М. Петров, Новые материалы..., стр. 154.

<sup>53</sup> В настоящее время «Записка» Мартирос-хана хранится в Ленинграде, в Пушкинском доме (Р. 1, оп. 5, д. 118, л. 3—6). Копия этой записки находится в рукописном фонде Института народов Азии ЛОАН СССР. Третья часть архива полковника Коссоговского хранится в г. Москве, в ЦГВИА СССР. Впервые воспоминания Сулеймана Меликова об обстоятельствах гибели А. С. Грибоедова были с некоторыми искажениями помещены в газете «Русское слово» 18 сентября 1910 г.

Ա. Ս. ԳՐԻԲՈՅԵՆԻՉԻ ՍՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ՖԱԼՍԻՖԻԱՑԻԱՆ  
ԺԱՄԱՆԱԿԱԿՈՅ ԻՐԱՆԱԿԱՆ ՊԱՏՄԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

Բ. Պ. ԲԱԼԱՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Վերջին տարիներս իրանական բուրժուական պատմագրության մեջ զգալի ուշադրություն է նվիրվում Ա. Ս. Գրիբոյենիչի սպանության պատմությանը:

Պրոֆ. Մահմուդ Ա. Ս. Գրիբոյենիչի սպանության պատմությունը կապում է Արևելքում անգլո-ոտոմանական հակասությունների և Թուրքմենշայի դաշնադրից հետո Իրանում Անգլիայի վարած էքսպանսիոնիստական քաղաքականության հետ: Մյուս տեսակետը, որն արտահայտված է Ալի-Աբրար Ինի աշխատություններում, ժխտում է թեհրանյան ոճրագործության քաղաքական բնույթը: Իրանական պատմաբանների առավել տարածված տեսակետը, որ հիմնված է պատմական փաստերը կեղծելու և ազդեցություն վրա, ընդհակառակը, ջանում է Գրիբոյենիչի սպանության մեջ մեղադրել իրեն՝ Գրիբոյենիչին: Այս տեսակետն արտահայտողների մեջ աննախանձելի դեր է կատարում պրոֆ. Աբրահա էզրալը: Ֆալսիֆիկատորները օգտագործում են այն «պաշտոնական վերսիսան», որ հորինել էր արտաքին գործոց ցարական մինիստր կոմս Նեսելրոդեն և որը դեղինֆորմացիայի նպատակով վերագրվում էր շահին: Այդ վերսիսայի օգնությամբ, որով մեղադրվում էր Ա. Ս. Գրիբոյենիչը, ցարիզմը, ելնելով Արևելքում իր վարած քաղաքականությանը շահերից, վերցնում էր պատասխանատվությունը թեհրանյան ոճրագործության իսկական կազմակերպիչների՝ Ֆաթհ-Ալի-շահի, Թեհրանի նահանգապետ արքայազն Զեյ-էս-Սուլթանի, Թեհրանի հոգևորականության ղեկավար Միրզա-Մեսիհի, շահի նախկին առաջին մինիստր Ալլահյար-խանի և անգլիական դիվանագետների վրայից:

Ա. Ս. Գրիբոյենիչի սպանության պատմության կեղծարարությունը մերկացնելու և ժամանակակից իրանական բուրժուական պատմագրության դիտավորությունները բացահայտելու դործում զգալի նշանակություն ունեն հայկական աղբյուրները՝ Մանուկեն-խան Սնիկոպուլի և Սուլեյման-խան Մելիքովի հաղորդումները, ինչպես նաև Գրիբոյենիչի գիվանախմբի առաջին քարտուղար Ի. Ս. Մալցովի զեկուլցները: